

Если жизненный путь каждого из нас заканчивается на кладбище, то дела рук человеческих обычно падают на свалку. Такова оборотная сторона цивилизации: она порождает много мусора. Мы же предпочитаем выбросить вещь, чем с ней возиться: мыть, чинить... Купить новую денег хватит. Но вот справиться с растущим потоком отходов нам уже не по карману, и миллионы тонн их уже окружают нас со всех сторон. Больше всех страдает, конечно, подмосковная сторона, с которой столица щедро

делится продуктами жизнедеятельности. Но таким отношениям скоро придет конец, потому что здешняя земля недешева, и занимать ее под горы дурнопахнущей дряни – не лучшее решение. Ведь даже закрытая свалка, проводив последний грузовик, еще сто лет будет отравлять землю. Кроме того, каждый должен сам поддерживать чистоту в своем доме.

Как же решить проблему? В поисках ответа я отправился на Алтуфьевское шоссе, на спецзавод № 2.

торую нельзя было бы исправить, если надо (хоть на заводе и уверяют, что во французскую автоматизированную систему ни один хакер не влезет).

Мне советуют обратить внимание на стометровую трубу, откуда и летит в воздух отравляющая дымка-то нет... Присматриваясь: есть дымок, хоть и едва заметный. Начальник цеха не согласен: не дым это, а пары воды, которая образуется при сжигании мокрой смеси.

Наконец, в ход идет самый понятный аргумент: жилые дома всего в двухстах метрах от завода, но нет ни жалоб, ни пикетов. Более того, вот книга отзывов, где среди записей отечественных губернаторов и зарубежных гостей оставили свои слова и жители Дегунина: мол, выражаем благодарность за экологическую чистоту, к работе завода не имеем никаких претензий...

Директор МСЗ № 2 Александр Ланцев тоже сторонник радикальной борьбы с мусором. Но с оговоркой:

делать с нашими очистками, как отделить их от битого стекла? Ведь заводы, выпускающие разные напитки, предпочитают не связываться с дезинфекцией старых бутылок, а иметь дело с новыми (в этом еще одна особенность отечественного мусора). Ну и куда теперь ненужную емкость из-под «Клинского»?

Александр Смирнов, гендиректор ГУП «Экотехпром»: «Чтобы убедить, надо все честно объяснить. Мы всегда готовы к серьезному разговору».

Вывод такой: чтобы использовать бытовые отходы, нужна индустрия по переработке сырья, а этого пока нет. Промышленность не очень интересуется вторсырьем, ведь мы – страна богатая... Но времена меняются, на наш век может и не хватить. Кроме того, для раздельного сбора отходов сначала нужно закрыть мусоропроводы и поставить специальные контейнеры. Судя по опросам, у нас к этому готовы до

Этот завод – предприятие энергетическое, и потому к мусору здесь относятся как к топливу, которое не просто горит, а дает тепло и электроэнергию. Половину своих киловатт завод продает городу, и ее хватает примерно на микрорайон с двадцатитысячным населением. Причем топливо в отличие от угля и газа неисчерпаемое. Французы это поняли, и десяток парижских мусоросжигательных заводов на 80 процентов обеспечивают город энергией. Так же действуют и шведы, и финны: там энергию получают из мусора, а в экстренных случаях подключают теплоэлектростанции. У нас тоже перспективы в этом смысле недурные:

– Страна завалена мусором. Сжигая его, мы можем сэкономить около пяти процентов газа, – считает Александр Ланцев.

Сегодня два завода «Экотехпрома» сжигают около 15 процентов бытовых отходов столицы. Но уже через пару лет, когда такие заводы появятся почти в каждом округе, из 2,8 миллиона тонн мусора будет сгорать 80 процентов. Остальное

пойдет на вторсырье или на свалки. Между прочим, в Европе в ближайшие 5 – 10 лет хотят полностью отказаться от свалок. Не избежать этого и нам: у полигонов ресурс невелик, а строить новые негде.

Не уверен, что аргументы специалистов подведут черту под дискуссиями на эту болезненную тему. Ясно, что приятнее смотреть из окна на зеленую зону столицы, чем на трубу такого вот «спецзавода».

ПРОСТО ОЧЕНЬ ЧИСТЫЙ ЗАВОД...

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

Почему предприятие, где сжигают мусор, именуют «спецзаводом»? Ответ прост: в советские времена старались не тревожить слух сограждан прозой жизни и придумывали многозначительные словосочетания вроде «спецстоловой», когда речь шла о столовой для начальства, или того же «спецзавода», если решали, что этой информации народу достаточно. Учтем, что в 1975 году это был первый в стране мусоросжигательный завод, причем оснащенный новейшим французским оборудованием. С тех пор он успел пережить серьезную реконструкцию, оказавшись среди самых современных не только в нашей стране, но и в Европе. Его называют экологически чистым, и столичные власти взяли курс именно на такой способ решения мусорной проблемы.

Возможно, ученые изобретут что-нибудь получше, но у нас нет времени ждать: каждый день больше сотни грузовиков везут сюда то, что не нужно городу.

Впрочем, единодушия на эту тему нет. Радикальные противники высказывались так: «Сжигать мусор – значит устраивать помойки на небе», имея в виду ядовитые газы, которые неизбежны при подобной процедуре. Кроме того, если хорошенько покопаться в отбросах, то около половины выброшенного сгодится как сырье для новых товаров. Наконец, сжигать – это просто дорого.

Генеральный директор ГУП «Экотехпром» Александр Смирнов публицитическим дискуссиям предпочитает профессиональную конкретику:

– Известно всего три способа справиться с бытовым мусором: отобрать полезное, а остальное отвезти на полигон или сжечь. Или сделать то же самое, не используя вторсырье. Самый простой вариант – отвезти все подальше и выбросить на свалку – я не рассматриваю, потому что это не уничтожение, а лишь перевозка.

– Так вот, использовать полезное теоретически можно, но разбирать мусор надо еще на кухне (вы поймете, почему, когда увидите, что вываливают из мусоровоза), – продолжает он. – Предположим, с этим справились. Но, к примеру, из одноразовых стаканчиков нельзя второй раз сделать такие же, потому что для их дезинфекции нужна такая температура, после которой пластмасса на стаканчики не годится. Делать из них ящики для молока? Не нужно стране столько ящиков... То же и с макулатурой. Учтем, что существу-

ет полтора десятка категорий бумаги, и вперемешку никакой завод ее не возьмет. Заметьте, что бумага последние два года не дорожает, потому что рынок насыщен.

– Из пищевых отходов можно сделать компост, но все равно их сначала надо собрать, – продолжает генеральный директор. – Попробуйте-ка на семиметровой кухне поставить четыре ведра: для бумаги, стекла, пластмассы и пищевых отходов для будущего компоста. А куда девать старые батарейки, разбитые градусники с ртутью, для которых нужна отдельная посуда... Что остается? Полигон. Это сооружение недешевое, один квадратный метр покрытия стоит около двухсот рублей. И еще платежи: за утилизацию, рекультивацию, экологию... Если все подсчитать, то получится ненамного дешевле, чем построить завод и мусор сжечь. Возможно, ученые изобретут что-нибудь получше, но у нас нет времени ждать: каждый день больше сотни грузовиков везут сюда то, что не нужно городу. Топка – пока единственный в мире

радикальный способ борьбы с отходами. Радикальный – не значит идеальный. Дымящая загородная свалка отравляет все живое вокруг. Но когда в толпе пылает адская смесь из мусоровоза, то образуются диоксины – настолько опасные яды, что для них не предусмотрено предельно допустимых концентраций. Очистка? Да разве кто уследит, что там летит из трубы!.. Наконец, «зеленые» утверждают, что из тонны сгоревшего мусора получается килограммов триста такого зелья, по сравнению с которым содержимое свалок кажется витамином.

В ответ Александр Николаевич предложил посмотреть завод и самому убедиться, откуда что летит и что остается.

И вот мы стоим у электронного табло над проходной, на котором бегущая строка информирует, сколько чего выпустил завод в атмосферу столицы. Это главный показатель качества его работы. Гендиректор комментирует:

Нельзя жечь то, что можно использовать. И нельзя закапывать, если можно сжечь.

– Вот оксиды азота, те самые, которые влияют на парниковый эффект. 45 миллиграммов на кубометр – хороший показатель, вчетверо ниже европейского. Пыль нетоксичная – 3,6 при норме 10, двуокиси серы вдвое ниже нормы.

Словом, бегущая строка не подвела коллектив завода. Но нет такой строки, ко-

Полигоны и свалки полны, и если сейчас не начать строить современные мусоросжигательные заводы, то завтра будет поздно.

– Нельзя жечь то, что можно использовать. И нельзя закапывать, если можно сжечь.

Что же можно использовать? Во-первых, цветной металл, которого здесь не увидишь: все пивные банки бездомные санитары природы тщательно собирают, заложив тем самым основу селекции мусора. Черные металлы тоже идут в дело, их вылавливает магнит. Вот они, увесистые брикеты, готовые к отправке и новой жизни. Остальное – в печь, после которой от мусора остается лишь четверть веса. Больше всего шлака, который проваливается через колосники, да еще летучая, дымчатая зола. Шлак «Экотехпром» использует для своих нужд, приводя в порядок дороги на полигонах. А из обезвреженной золы получают хорошие строительные материалы – щебень и всем знакомый бордюрный камень, без которого не обходится ни один столичный тротуар.

Европа сжигает мусор с тридцатых годов. Греть жилье начали итальянцы, а сейчас и немцы, и скандинавы – все экономят газ. И при этом уверены, что использовать мусор как вторсырье нерационально, лучше получить с его помощью тепло и электричество. В Париже 11 мусоросжигательных заводов, в Токио – 12 (причем японцы используют шлак для расширения территории острова). Как видим, толпе отдадут предпочтение не только наши специалисты. Полигоны и свалки полны, и если сейчас не начать строить современные заводы, то завтра будет поздно, потому что более надежного и экологичного способа нет, считают они.

Ну а недостатки-то у него есть?

На МСЗ № 2 видят один недостаток: не все горит. Дело в том, что если часть мусора можно отсортировать и использовать, около половины – сжечь, то остальное приходится закапывать. Выходит, без свалок пока не обойтись.

Между прочим, российский мусор отличается от зарубежного, и специалисты видят разницу. Во-первых, у нас много пищевых отходов, треть мусора – с домашних кухонь. За рубежом, конечно, тоже чистят картошку, но делают это до того, как она поступит на прилавок. Ясно, что производству переработать промышленные отходы гораздо проще. А что

четверти москвичей, а в Европе – абсолютное большинство населения.

– Но и контейнеры не всегда решают проблему, – считает А. Смирнов. – Я видел, заинтересовался: можно посмотреть? Пожалуйста, говорит, я тут селедку чистила, потроха завернула... А в Германии, к примеру, платят вознаграждение за донос о неправильно выброшенном мусоре. Такой вот европейский опыт...

Мы идем на пульт управления двух котлов – котельного и газоочистки. Сверху видно, как мусоровоз вывалил грязное месиво, в котором совершенно бесполезно что-то выскрывать и сортировать. Разве что магнитом можно кое-что вытянуть.

Огромный резервуар способен хранить трехдневный запас сырья для завода. Сырье в буквальном смысле: из ковша сочится вода. Все это добро надо как следует перемешать, потому что топливо в бункере должно быть однородным, иначе изменится режим горения, и из упомянутой трубы пойдет не то, что нужно. Впрочем, не пойдет, потому что автоматика поднимет тревогу, а то и вовсе остановит процесс – это уж в зависимости от тяжести нарушения. Задача специалистов – контроль (две трети работников завода – с высшим образованием), а с управлением компьютеры справляются сами.

Мы идем на экране монитора основное: что идет из трубы? Вот они, эти показатели: 136 – температура выходящих газов, окись углерода – 16, двуокись – 21, аммиак – 3... Все это в два-три раза ниже европейских норм.

Директор поясняет: зарубежная технология не прошла по российским стандартам (как ни странно, европейские стандарты не мешают держать такой «спецзавод» в Монако в трехстах метрах от княжеского дворца, а в Лондоне – в двух километрах от исторического центра). Пришлось очистку газов усовершенствовать, и работа была удостоена Госпремии.

А где же диоксины?

В ответ слышу: их просто нет, потому что дым проходит через зону высоких температур, и они разлагаются, а остальное обезвреживается. В итоге концентрация вредных веществ на заводе примерно вдвое ниже, чем у европейских коллег.

Поэтому одна из проблем здешнего начальства – найти взаимопонимание с жителями.

– Очень трудно убедить людей, что сжигать – это безопасно, – сетует генеральный директор «Экотехпрома». – Народ опасается: мол, одно дело – ваша технология, другое – отечественный авось. Да и вообще, когда у тебя под боком что-то жгут, чувствуешь себя неспокойно. Но мы ничего не скрываем: приглашаем к себе, открываем для школьников, и для жителей, и для специалистов. Чтобы их убедить, надо все честно объяснить. Мы стараемся это делать и всегда готовы к серьезному разговору.

Когда в Рудневке строили мусоросжигательный завод, то активисты «Гриппса» устраивали там пикеты и стражи: через несколько лет в районе у детей увеличилось количество врожденных пороков вроде заячьей губы, отсутствия конечностей, поражений внутренних органов... При этом предлагали выход: раздельный сбор мусора, его переработка и повторное использование. Чем кончилась эта история?

– Завод работает уже несколько лет, но ни о каких пороках по нашей вине мы ничего не слышали, – говорит Александр Николаевич. – А вот что касается селекции мусора, то я как энергетик против: топли-

Десяток парижских мусоросжигательных заводов на 80 процентов обеспечивают город энергией.

во должно быть калорийным. Если изъять пластик и бумагу, придется добавлять мазут, чтоб горело как следует.

В дополнение к трем классическим способам борьбы с мусором назову и четвертый, о котором не упомянули специалисты: меньше сорить. Ведь все-то у нас одноразовое – стаканчики, памперсы, полотенца... Удобно? Только вот планета не одноразовая. Может, поэтому на заводе с теплым чувством вспоминают времена, когда за молоком ходили со своей банкой. Но если к банкам мы вряд ли вернемся, то, во всяком случае, критично взглянуть на свои растущие потребности придется. И даже примириться с некоторыми неудобствами вроде контейнеров. Сделать это заставят коммунальные тарифы.

...А пока вы это все читаете, завод работает. Двести человек в четыре смены уничтожают то, что мы когда-то покупали.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ